

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ АВСТРО-ПРУССКОЙ ВОИНѢ. (*)

(Переводъ съ французскаго.)

Кампанія, окончившаяся сраженіемъ при Садовой, была обсуждаема въ особенности относительно неожиданности и важности ея результатовъ. Наше самолюбіе охотно допускало мысль, что австрійцы, разбитые нами въ 1859 году, восторжествуютъ, въ свою очередь, надъ войсками, которыя со времени Ватерлоо не были ни въ одномъ генеральномъ сраженіи; но событія обманули наши ожиданія, и прусская армія одержала надъ бывшими нашими сольферинскими противниками побѣды, быстрота и легкость которыхъ насъ смутила. Мы слишкомъ мало цѣнили прусскую армію, и ничего не сдѣлали, чтобы предупредить событія, увеличившія ея силы, а потомъ не стужѣли

(*) Статья „Encore un mot sur Sadowa“, появившаяся въ одномъ изъ первыхъ номеровъ „Revue des deux mondes“ нынѣшняго года, подписана редакторомъ журнала Л. Бюловомъ, но по всему вѣроятію принадлежитъ герцогу Омальскому. Хорошій знатокъ военнаго дѣла, герцогъ Омальскій и прежде помѣщалъ въ „Revue des deux mondes“ статьи о военныхъ предметахъ, не подписывая своего имени. Обращаемъ вниманіе читателей на тѣ мѣста статьи, гдѣ авторъ говоритъ объ игольчатомъ ружьѣ: „неоспоримо, что ни политическія комбинаціи, ни составъ армій, ни стратегическія и тактическія распоряженія не имѣли такого вліянія, какъ игольчатое ружье на результаты похода“. Лучшимъ доказательствомъ вышесказаннаго служить та поспѣшность, съ которою въ европейскихъ арміяхъ принялись вводить скорострѣльную ружья—фактъ, неизмѣняющій себя подобнаго въ исторіи военнаго искусства, а также и сравненіе потерь обѣихъ армій въ богемскую кампанію. Замѣчательны также сужденія о корпусѣ прусскихъ офицеровъ: имъ приписывается больше заслугъ, чѣмъ прусскимъ полководцамъ. Наконецъ, основательное замѣчаніе автора объ ошибочности плана, составленнаго генераломъ Мольте: пунктъ соединенія обѣихъ прусскихъ армій былъ назначенъ среди расположенія австрійской арміи, причемъ во время движенія обѣ прусскія арміи были раздѣлены гористою мѣстностью. Подобное соображеніе всегда считалось важною стратегическою ошибкою.

Примѣч. перев.

отнестись хладнокровно къ совершившимся фактамъ и вдали въ чрезмѣрное волненіе, недостойное такой страны какъ Франція. Этимъ ли можно исправить нашу ошибку? И военный законъ, мысль котораго родилась среди возникшей смуты въ умахъ, законъ, который наложить такое тяжелое время на наше народонаселеніе и производить уже въ немъ большое безпокойство, былъ ли дѣйствительно необходимъ? Теперь уже конечно поздно ставить этотъ вопросъ, когда законъ принятъ обоими нашими собраніями. Одни называютъ его бѣдственнымъ, другіе бесполезнымъ и наполненнымъ противорѣчіями, для всѣхъ онъ непріятенъ; тѣмъ не менѣе онъ былъ принятъ вслѣдствіе патриотическихъ опасеній. Никогда во Франціи не открывали правительству, какому бы ни было, то, что требовалось какъ необходимо-нужное для обороны страны. Надо впрочемъ объяснить касательно выраженія: оборона страны. Конечно, тутъ не подразумѣвается борьба противъ цѣлой Европы. Честолюбіе Наполеона возбудило эту борьбу, гений его поддерживалъ ее; но нашествія 1814 и 1815 гг. хорошо показали неизбѣжныя послѣдствія такихъ предпріятій, и нынѣ намъ нечего заботиться объ отвращеніи подобной опасности. Насъ смутило, подняло у насъ тревогу единственно могущество Пруссіи, увеличившееся на нашихъ глазахъ послѣ садовской побѣды такъ внезапно и въ такой мѣрѣ, что мы стали опасаться за себя. Но правы ли мы были? Несомнѣнно, что прусская армія, послѣ пятидесяти лѣтъ мира, снова выступила на сцену съ блистательнымъ торжествомъ; несомнѣнно, что къ нравственной силѣ, пріобрѣтенной въ побѣдѣ, прибавились матеріальныя средства государствъ, присоединенныхъ черезъ завоеваніе, что прусская армія усилится изъ народовъ, извѣстныхъ своими военными достоинствами, ганноверцевъ, гессенцевъ и саксонцевъ; но хладнокровно обсуживая все это, мы должны признать, что, несмотря на свое приращеніе, Пруссія еще далека отъ цифры нашего народонаселенія, что она далеко не владѣетъ всѣми нашими военными средствами, и въ особенности такимъ, какъ у насъ, олотомъ, могущественнымъ пособіемъ въ континентальныхъ войнахъ. Полагаемъ, что не ошибемся, если скажемъ, что у насъ, послѣ садовскаго сраженія, въ народѣ и въ правительствѣ были прискорбно увлечены опасеніями; что мы слишкомъ не довѣряли своимъ силамъ, ожидая борьбы съ Пруссіей. Умы мало по малу

успокоились; обдуманное и внимательное обсужденіе сдѣлалось теперь болѣе возможнымъ.

Восемнадцать мѣсяцовъ прошло послѣ событій, театромъ которыхъ была Германія. Можетъ быть, этого времени еще не достаточно, чтобъ истина вполне обнаружилась; однако значительное число свидѣтелей и даже самихъ дѣятелей высказались о томъ, что они видѣли и дѣлали на поляхъ сраженій. Штабы также начали обнаруживать официальные донесенія, въ которыхъ, рядомъ съ нѣсколькими неточностями, продиктованными политикой или династическимъ интересомъ, находятся драгоценныя свѣдѣнія. Наконецъ, ходъ времени уже обнаружилъ кой-какія тайны политики, которыя рано или поздно, но всегда дѣлаются достояніемъ исторіи.

Если въ изученіи всѣхъ этихъ фактовъ и всѣхъ рассказовъ получится убѣжденіе, что, независимо отъ существенныхъ и неоспоримыхъ достоинствъ, которыми прусаки обязаны послѣдними побѣдами своими надъ австрійцами, имъ прежде всего помогло особенное счастье; если окажется, что и люди и обстоятельства содѣйствовали имъ исключительнымъ образомъ и даровали временное превосходство, которое теперь уже исчезло и не возобновится болѣе; если въ особенности легко доказать, что борьба съ Франціей не можетъ дать имъ подобныхъ преимуществъ, то должно сознаться, что слишкомъ поторопились принять крайнія мѣры національной обороны, которыя такъ взволновали нашу страну и которыхъ главнымъ результатомъ до сихъ поръ было еще большее возвышеніе нашихъ сосѣдей.

Мы не имѣемъ намѣренія описывать садовскую кампанію, что уже было сдѣлано многими, и не безъ таланта. Мы хотимъ только обратить вниманіе на характеристическія особенности этой великой борьбы и вывести изъ нихъ заключенія для поддержки мнѣнія, нами изложеннаго. Прежде всего должны мы упомянуть объ игольчатомъ ружьѣ, этомъ популярномъ героѣ послѣдней войны, о страшныхъ чудесахъ котораго пресса европейская говорила сначала съ изумленіемъ и ужасомъ, но котораго значеніе вскорѣ потомъ стали, по обыкновенію, уменьшать. Одно слово, и довольно убѣдительное, выравитъ всю нашу мысль объ этомъ обстоятельствѣ: передъ непріателемъ, вооруженнымъ какъ австрійская пѣхота, игольчатое ружье

увеличивало въ пять разъ прусскія силы. Два разительные примѣра служатъ тому яснымъ доказательствомъ.

Извѣстно, что въ Богемію вторгнулись разомъ двѣ арміи: одна, подъ начальствомъ принца Фридриха-Карла, вступила изъ Саксоніи, другая подъ начальствомъ кронъ-принца, чрезъ сilesкія дефиле. Въ одинъ и тотъ же день, 26-го іюня, въ обѣихъ арміяхъ были первыя серьезныя дѣла съ австрійцами. Послѣ боя, въ которомъ принимала участіе только пѣхота, принцъ Фридрихъ-Карлъ овладѣлъ селеніемъ Подоломъ. Убитые, сочтенные на полѣ сраженія, и раненые, поступившіе на перевязочные пункты, оказались со стороны побѣдителей въ пять разъ менѣе, чѣмъ со стороны побѣжденныхъ. На одномъ мѣстѣ насыпи желѣзной дороги, капитанъ Озе, корреспондентъ газеты „Times“ въ арміи принца Фридриха-Карла, письмамъ котораго мы обязаны многими интересными подробностями, нашелъ девятнадцать тѣлъ австрійскихъ и только три прусскихъ.

Въ то время какъ шелъ бой у Подола, въ тотъ же самый часъ, прусскій корпусъ генерала Бонина, изъ арміи кронъ-принца, встрѣтилъ у Траутенау 10-й корпусъ австрійской арміи, подъ командою фельдмаршала-лейтенанта Габленца. Здѣсь счастье благопріятствовало другой сторонѣ. Послѣ очень жаркаго дѣла прусаки были отбиты и опрокинуты на цѣлый переходъ назадъ. И между тѣмъ грозное превосходство игольчатого ружья выказалось и тутъ съ тѣмъ большею очевидностью; отношеніе между прусаками и австрійцами выбывшими изъ строя остается то же. Бонинъ, побѣжденный, показываетъ потерю свою въ 1,300 человекъ, Габленцъ, побѣдитель, въ 6,000 человекъ. Честь австрійцамъ, счумѣвшимъ, несмотря на такую большую потерю, заставить отстудить непріятеля. Но, какъ послѣдствія показали, частный успѣхъ, купленный такъ дорого, равняется неудачѣ.

Мы выбрали два первыя дѣла въ этой войнѣ, происшедшія на обѣихъ оконечностяхъ театра дѣйствій; они тотчасъ выказали относительную силу обѣихъ армій, и имѣли очень большое нравственное вліяніе на обѣ стороны, въ противоположномъ смыслѣ. Человѣкъ, увлеченный героизмомъ или слѣпою страстью, можетъ одинъ разъ биться съ успѣхомъ противъ пяти противниковъ; но нельзя требовать отъ самыхъ храбрыхъ войскъ возобновленія подобныя усилій въ каждомъ сраженіи кампаніи. И чтобы придать нашему расчету послѣд-

ною стѣною точности, должно упомянуть, что вездѣ, гдѣ случалъ давалъ пруссакамъ численное превосходство надъ противникомъ, это превосходство было помножено на пять: тамъ, гдѣ австрійцы были одинъ противъ двухъ, въ сущности были они одинъ противъ десяти.

Теперь, благодареніе Богу, это поразительное неравенство въ вооруженіи уже не существуетъ. Во всѣхъ европейскихъ арміяхъ спѣшатъ ввести новое ружье. Мы уже имѣемъ ружья Шаспо, т. е. усовершенствованное игольчатое ружье. Австрійцы, въ ожиданіи новыхъ ружей, передѣлали свои старыя, и эта передѣлка должна быть теперь окончена. Равновѣсіе восстановлено; огннй вопросъ въ томъ, въ чьихъ рукахъ новое оружіе будетъ имѣть болѣе силы. Это уже зависитъ отъ вождей. Возвращаясь къ кампаніи 1866 года, нѣтъ сомнѣнія, что общественное мнѣніе нѣсколько не ошиблось, приписывая игольчатому ружью рѣшительное значеніе: неоспоримо, что ни политическія комбинаціи, ни составъ армій, ни стратегическія и тактическія распоряженія не имѣли такого вліянія, какъ это оружіе, на результатъ похода. Если и оказалось нѣсколько австрійскихъ офицеровъ, отрицавшихъ фактъ, то вѣрно это были не начальники армій, а развѣ тѣ, которые, участвуя вмѣстѣ съ пруссаками въ датскомъ походѣ, не сѣумѣли тогда понять необходимость перемѣнить вооруженіе австрійской пѣхоты. По ихъ мнѣнію, надо было держать армію на такомъ разстояніи, чтобы превосходство австрійскаго ружья, относительно дальности стрѣльбы, замѣнило быстроту стрѣльбы прусскаго ружья... Какъ будто возможно установить разстоянія, на которыхъ сходятся для боя тѣ огромныя массы людей, которыми нынѣ появляются на поляхъ сраженій!

Болѣе справедливо замѣчаніе, что, можетъ быть, для австрійскихъ генераловъ существовало средство уравновѣсить слабость вооруженія стратегическими соображеніями, которыя, на данномъ пунктѣ и въ данный моментъ доставили бы имъ очень значительное численное превосходство, пользуясь которыми удалось бы имъ разбить порознь прусскіе корпуса, и помѣшать исполненію плана войны, составленнаго генераломъ Мольтке.

Въ настоящее время нельзя отрицать, что прусскій планъ войны давалъ вѣроятность успѣха австрійской арміи. Несчастіе ея состояло въ томъ, что она не умѣла воспользовать-

ся шансомъ: напротивъ, именно этотъ шансъ и былъ причиною ея пораженія. Что нужно было дѣлать, имѣя передъ собою двѣ непріятельскія арміи, которыя шли чтобы соединиться, но были еще отдѣлены одна отъ другой значительнымъ разстояніемъ? Предупредить соединеніе, бросившись со всѣми своими силами на ту изъ непріятельскихъ армій, которая была ближе, и стараться подавить ее числомъ. Въмѣсто того, руководствовались старинными правилами военнаго педантизма: хотѣли удержать непріятеля, хотѣли его разбить не тамъ, гдѣ представился къ тому случай, но въ пунктъ и въ день опредѣленный заранее. Чтобы достигнуть этой цѣли, три корпуса австрійской арміи двигались отдѣльно, и были одинъ за другимъ разбиты непріятелемъ, въ которому каждый день прибывали новыя подкрѣпленія. И съ этими-то корпусами, постепенно поражаемыми страшнымъ огнемъ игольчатыхъ ружей, была дана гигантская битва при Садовой. Конечно, такимъ образомъ побѣда легко досталась арміямъ короля Вильгельма.

Мы позволимъ себѣ помѣстить здѣсь нѣсколько подробностей о двухъ дняхъ 27-го и 28-го іюня, когда, около Скалица, по словамъ австрійскихъ офицеровъ, возможность одержать побѣду была потеряна для ихъ арміи, и участь кампаніи окончательно рѣшена не въ ихъ пользу. Армія кронъ-принца выходила изъ силезскихъ дефиле и вступала въ Богемію двумя колоннами. Правая колонна была остановлена у Траутенау отпоромъ Габленца. Лѣвая колонна выходила передъ Скалицемъ черезъ тѣсные проходы. Въ этотъ моментъ шесть австрійскихъ корпусовъ были сосредоточены около Скалица и горѣли желаніемъ сразиться съ непріятелемъ. Принцъ Фридрихъ-Карлъ и прусская армія, шедшая изъ Саксоніи, были, по крайней мѣрѣ, въ двухъ переходахъ отсюда и имѣли противъ себя 60,000 австро-саксонцевъ подъ начальствомъ Кламъ-Галласа. Прежде чѣмъ армія принца Фридриха-Карла могла подоспѣть на помощь кронъ-принцу, австрійскія войска, сосредоточенныя передъ Скалицемъ, имѣли все время сдѣлать, по крайней мѣрѣ, попытку соединенными силами противъ прусской колонны, спускавшейся съ силезскихъ горъ. Въ этотъ моментъ силы въ распоряженіи кронъ-принца простирались до 67,000 человекъ. Силы генерала Бенедека, въ тотъ же день, т. е. 28-го іюня, состояли изъ шести корпусовъ, всего 150,000 человекъ. Въмѣсто того, чтобы дать съ такою массою войскъ генеральное сра-

женіе, австрійскій главный штабъ двинулъ корпусъ Раминага, который и былъ разбитъ 27-го числа, корпусъ эрцгерцога Леопольда, разбитый 28-го, и корпусъ графа Фестетича, имѣвшій такую же участь 29-го. Въ свою очередь, 28-го числа, Габленць, оставленный у Траутенау безъ поддержки, былъ также разбитъ. Что касается до корпусовъ графа Туна и эрцгерцога Эрнста, то не сочли за нужное вводить ихъ въ дѣло. Для чего же было предпринимать частныя попытки вмѣсто общей атаки всѣми силами? Для чего посылать отдѣльно корпуса подъ губительное дѣйствіе игольчатыхъ ружей? Не мѣръ того, какъ увеличивается численность армій, рѣже являются люди способные ими командовать, маневрировать, продовольствовать и приводить въ благоприятный моментъ на выгодное поле сраженія. Австрійскій главный штабъ очевидно сдѣлалъ ошибку, которую легко указать теперь, но которая конечно была менѣе замѣтна въ моментъ дѣйствія, хотя тотчасъ же потомъ общее мнѣніе высказалось относительно этого промаха. Говорятъ, что у Кениггингофа, въ разстояніи одного перехода отъ Скалица, была найдена позиція, которую считали превосходною, и туда-то хотѣли привлечь непріятеля и вступить съ нимъ въ рѣшительный бой; но надобно имѣть геній Цезаря или Наполеона, чтобы заранѣе выбрать мѣстность и заставить непріятеля принять на ней сраженіе. Результатомъ бѣдственнаго соображенія было то, что непріятель не дозволилъ себѣ удержаться, занялъ самъ Кениггингофъ, вслѣдствіе чего надо было отойти къ Кениггрецу, гдѣ соединились, отброшенные одна на другую, всѣ массы австрійской арміи. Онѣ жестоко пострадали передъ тѣмъ; большая часть австрійскихъ корпусовъ были, каждый въ свою очередь, худо направлены и разбиты. Они потеряли пушки и знамена, и не только подверглись дѣйствію игольчатыхъ ружей, которое произвело самое невыгодное впечатлѣніе на солдатъ, но это было сдѣлано даже систематически и имѣло результатомъ большой уронъ.

Каждая армія имѣетъ свой особенный, свойственный ей, способъ дѣйствій, который неудобно измѣнять, потому что онъ истекаетъ изъ національнаго характера. Одни обладаютъ стремительнымъ геніемъ атаки: этимъ всегда отличался французскій солдатъ; другіе непреодолимой силой сопротивленія: достоинство, принадлежащее авглійскому солдату. Исторія испанской войны, отъ 1809 до 1813 года, представляетъ рядъ сра-

женій чисто оборонительныхъ, гдѣ французская запальчивость (*la furie française*) постоянно разбивалась о британское хладнокровіе. Лордъ Веллингтонъ, руководимый своимъ разсудительнымъ и спокойнымъ гениемъ, требовалъ отъ своей арміи только то, что было согласно съ національнымъ инстинктомъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда условія мѣстности или другія обстоятельства не позволяли ему принять бой оборонительный, бой англійскій, онъ уклонялся и отступалъ. Это и было причиной его успѣховъ.

Въ австрійскихъ солдатахъ болѣе сходства съ англичанами, чѣмъ съ французами; они способнѣе къ неподвижности, чѣмъ къ движенію, скорѣе къ оборонѣ, чѣмъ къ наступленію, и только тогда успѣшно бились, когда начальники ихъ руководствовались этими свойствами. Въ послѣдней кампаніи это было пренебрежно. Австрійцы видѣли, что подъ Маджентой и Сольферино удались стремительныя атаки нашей пѣхоты, и воображали, что такой способъ дѣйствій будетъ имѣть вездѣ одинаковые результаты. Отдано было приказаніе идти въ штыки на прусскіе подки. Приказаніе исполнено геройски; полки австрійскіе, имѣя въ головѣ своихъ храбрыхъ офицеровъ, бросались какъ изступленные на прусскую пѣхоту; пруссаки сначала были удивлены, но вскорѣ хладнокровіе къ нимъ возвратилось, и они отлично поняли, что эти безумныя атаки дадутъ лишь возможность ихъ страшнымъ ружьямъ нанести огромный уронъ противнику. Естественно, что при каждой изъ встрѣчъ происходила ужасная бойня. И съ этими-то войсками, ослабленными потерями, вездѣ разбитыми, исключая траутенаускаго дѣла, утомленными отъ маршей и контръ-маршей—неизбѣжное послѣдствіе оборонительнаго способа дѣйствій— дано было садовское сраженіе, гдѣ встрѣтились съ соединенными силами противника, который до тѣхъ поръ изъ всего извлекалъ выгоду, даже изъ своихъ ошибокъ. Извѣстенъ результатъ и громадная катастрофа, постигшая Австрію въ день 4-го іюля 1866 года.

Положеніе арміи Бенедекка имѣло сходство съ положеніемъ французской арміи при Ватерлоо: Бенедекъ имѣлъ противъ себя двѣ арміи: принца Фридриха-Карла и кронъ-принца. Хотя обѣ эти арміи были между собою въ сообщеніи, и въ ночь предшествовавшую сраженію рѣшено дѣйствовать ими совокупно, но австрійскій главнокомандующій могъ надѣяться разбить принца Фридриха-Карла до прибытія кронпринца, кото-

рому предстояло сдѣлать большой переходъ, подобно тому какъ Наполеонъ могъ надѣяться разбить Веллингтона до прибытія Блюхера.

И дѣйствительно, до часу пополудни всѣ усилія войскъ принца Фридриха-Карла были парализованы храбростью австрійцевъ. Последние были расположены въ перелѣсахъ, гдѣ люди находили прикрытіе за деревьями, чтобы нейтрализовать дѣйствіе игольчатыхъ ружей. Перелѣски были фланкированы австрійскою артиллеріей, одной изъ лучшихъ въ Европѣ, отсутствію которой бывшіе наши противники приписывали потерю сольферинскаго сраженія. Размѣщенные въ выгодныхъ условіяхъ, укрытые отъ огня игольчатыхъ ружей, австрійцы держались съ непоколебимою твердостью. Наступленіе арміи принца Фридриха-Карла было остановлено; дивизія генерала Горна, истощенная въ усиліяхъ противъ садовскаго лѣса, принуждена даже отойти назадъ; безпокойство начало распространяться въ прусской главной квартирѣ; дождь и волнистая мѣстность скрывали прибытіе кронъ-принца. Начивали уже говорить объ отступленіи.

Но въ этотъ самый моментъ австрійская армія была уже не въ состояніи воспользоваться тѣми чудесами храбрости, которыми отражены атаки принца Фридриха-Карла. Появленіе прусскихъ касокъ позади боевыхъ линій Бенедекка разбѣгло тревогу, возникшую между окружающими короля Вильгельма. Прусская гвардія, т. е. передовыя колонны арміи кронъ-принца, заняла почти безъ выстрѣла селеніе Хлумъ, центръ и наиболѣе выдававшійся пунктъ австрійской позиціи. Инженеры Бенедекка укрѣпили Хлумъ, чтобы онъ могъ служить редюитомъ австрійской арміи въ случаѣ неуспѣха; работы ихъ послужили въ пользу непріятеля.

Изъ Хлума пруссаки взяли въ тылъ все правое крыло австрійское, обращенное фронтомъ въ принцу Фридриху-Карлу, и понятно, съ какимъ чувствомъ храбрый воинъ увидѣли, что ихъ громить сзади въ такой моментъ, когда они наименѣе того ожидали. По странному стеченію случайностей, генераль Бенедекъ и его штабъ первые попали подъ огонь. Получивъ извѣстіе, что непріятель показался позади его боевой линіи и еще не вѣря тому, что онъ считалъ невозможнымъ, Бенедекъ поскакалъ самъ на этотъ пунктъ и былъ встрѣченъ ружейнымъ огнемъ, отъ котора-

го потерпѣла его свита и который превратилъ всё его сомнѣнiя. Овладѣть обратно Хлумомъ не представлялось возможности; добиваясь того, австрiйцы истощились въ геройскихъ, но безплодныхъ усилiяхъ. Ничего нельзя было сдѣлать на открытой мѣстности противъ войскъ, вооруженныхъ игольчатымъ ружьемъ и расположенныхъ въ домахъ и укрѣпленiяхъ, построенныхъ инженерами Бенедека съ такимъ неудачнымъ усердiемъ. Хлумъ остался во власти пруссаковъ; австрiйское правое крыло, взятое между двухъ огней, отступило съ огромными потерями, и зрѣлище этой катастрофы и извѣстiе объ ней, быстро распространившееся, произвело въ обѣихъ армiяхъ свое неизбежное дѣйствiе. Если спросить: какимъ образомъ, вслѣдствiе какихъ промаховъ вторая прусская армiя могла проникнуть безпрепятственно и незамѣтно въ средину австрiйской армiи, то невозможно будетъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Предположить должно, что генералъ Бенедекъ, несмотря на удивленiе, произведенное въ немъ неожиданнымъ прибытiемъ кронъ-принца, предвидѣлъ что-нибудь подобное, потому что расположилъ свою армiю въ боевой порядокъ, неупотребительный и опасный, построивъ ее подъ прямымъ угломъ, съ вершиною угла обращенною къ сторонѣ непрiятеля. Одна изъ сторонъ была фронтомъ къ армiи принца Фридриха-Карла, другая къ тому направленiю, откуда можно было ожидать кронпринца; но войска, назначенныя для этой второй линiи, не находились тамъ въ критическiй моментъ, и здѣсь также судьба преслѣдовала несчастную австрiйскую армiю. Къ довершенiю бѣдствiя, ея начальникъ штаба, г. Генишштейнъ, обвиненный въ первыхъ неудачахъ кампанiи, смѣненъ наканунѣ сраженiя при Садовой. Всякій, имѣющiй малѣйшую опытность въ военныхъ дѣйствiяхъ, пойметъ безъ труда, какой беспорядокъ можетъ произвести подобная перемѣна, сдѣланная въ такой моментъ, въ передачѣ приказанiй, свѣдѣнiй, въ многосложномъ механизмѣ движенiй армiи въ 200,000 человекъ. И въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ войны трудно заботиться о всахъ, все предвидѣть; число войскъ и огромныя разстоянiя поля сраженiя увеличивали здѣсь беспорядокъ въ распоряженiяхъ. Въ главной квартирѣ Бенедека многое было забыто. Во-первыхъ, забыли занять Хлумъ; потомъ забыли простую предосторожность: поставить нѣсколько человекъ для наблюденiя на сельскую колокольню, откуда открывался далекий видъ, и съ

которой конечно усмотрѣли бы вовремя движеніи непріятеля; забыли, наконецъ, отдать заблаговременно необходимыя приказанія для боя. Они были поздно разсланы къ генераламъ, и составлены въ такихъ законическихъ выраженіяхъ, что 4-й корпусъ, который долженъ былъ занимать Хлумъ, вовсе не зналъ, что съ этой стороны можетъ угрожать атака. Не вида никого передъ собой, онъ принялъ вправо, чтобы идти на помощь своему сосѣду, сильно атакованному, и оставилъ такимъ образомъ открытое пространство, въ которое и проникла прусская гвардія. Уже увидя Хлумъ въ рукахъ непріятеля, начальники 4-го корпуса узнали, что Хлумъ составлялъ главный пунктъ позиціи и былъ окруженъ укрѣпленіями для усиленія его обороны. Нужно ли прибавлять, что прусская армія не всегда встрѣтитъ такія, благопріятныя для нея и бѣдственныя для ея противниковъ, условія?

Потерявъ сраженіе, надо было обезпечить отступление. Тутъ потеря также была велика. Въ перелѣсахъ и селеніяхъ, вездѣ гдѣ какое-нибудь закрытіе могло уравновѣсить дѣйствіе игольчатыхъ ружей, истребленіе было одинаковое съ обѣихъ сторонъ. Тамъ лежало столько же синихъ мундировъ, сколько и бѣлыхъ; но около Хлума и Розберица, селеній, которыя австрійцы пытались отбить у войскъ еронецъ-принца, мѣстность была усѣяна исключительно бѣлыми мундирами. То же замѣтно было въ мѣстахъ, гдѣ австрійская пѣхота покушалась перейти въ наступленіе, чтобы удержать противника: она была буквально скошена. Преслѣдованіе впрочемъ не было продолжительнымъ. Тамъ видѣли то, что никогда не случалось ни въ одной арміи: принца императорскаго дома, эрцгерцога Іосифа, раненаго, пѣшкомъ, послѣ того, что подъ нимъ были убиты три лошади, остающагося послѣднимъ съ нѣсколькими солдатами для удержанія непріятеля.... Этотъ благородный примѣръ, хорошій порядокъ, сохраненный нѣсколькими пѣхотными полками, въ особенности саксонцами, гордо отступавшими со всеми своими орудіями и съ большею частью раненыхъ не покинувшихъ ряды; превосходно направленный огонь австрійской артиллеріи и неизбежное утомленіе солдатъ послѣ всѣхъ ощущеній такого дня остановили рано прусскую армію. Нѣсколько частныхъ атакъ, произведенныхъ ея эскадронами, не имѣли никакого успѣха. Австрійскія гранаты и тяжелая кавалерія отбили у пруссаковъ охоту возобновить атаки.

Но на другой день и въ послѣдующіе дни, когда непріятель уже не атаковывалъ, возникъ въ австрійскихъ рядахъ беспорядокъ, вслѣдствіе моральной реакціи — важный предметъ для размышленій организаторовъ австрійской арміи — и сдѣлалось невозможнымъ продолженіе оборонительныхъ операцій. Прусаки шли на Вѣну, не встрѣчая препятствій, а побѣжденные, съ остатками своей арміи, отступали на правый берегъ Дуная. Сдѣлалось яснымъ, что армія Франца-Иосифа, безъ содѣйствія могущественнаго союзника, не была въ состояніи бороться съ противникомъ. Она искала этого союзника, предлагала ему даже Венецію, которую могла оставить съ честью, выигравъ кустоцкое сраженіе; но послѣ того періода патриотической грусти, о которой государственный министр (*) говорилъ въ законодательномъ собраніи, мы передали Венецію итальянцамъ, и утѣшили ихъ, подаркомъ области, въ несчастіи, постигшемъ ихъ оружіе. Потерявъ надежду на помощь и вида прусаковъ передъ воротами Вѣны, сознавая невозможность устроить снова армію, правительство австрійское было принуждено просить мира.

Миръ былъ заключенъ и принесъ много славы и выгодъ побѣжденнымъ; никакое облако не омрачало блеска ихъ счастья. Вмѣшательство Франціи, состоявшее только въ дипломатическихъ переговорахъ, еще болѣе возвысило торжество Пруссіи въ мѣншіи народоу, и, какъ мы уже упомянули выше, поспѣшность, съ которою наше правительство, какъ бы для успокоенія страны, возвѣстило ломку въ нашихъ военныхъ учрежденіяхъ, послужило и безъ того къ увеличенію чрезмѣрнаго обаянія прусскаго оружія.

Мы старались выставить тѣ совершенно исключительныя обстоятельства, которыя помогли искусству генераловъ и военнымъ достоинствамъ арміи короля Вильгельма въ эту достопамятную кампанію, и которыхъ повтореніе трудно предположить въ случаѣ войны съ Франціей: намъ остается показать, какъ внѣ театра войны событія были благоприятны для Пруссіи, какъ въ области политики другія обстоятельства, не менѣе исключительныя, содѣйствовали ей легкой и полной побѣдѣ.

Мы повторимъ то, что извѣстно всему свѣту, сказавъ, что до и послѣ войны всѣ дипломатическія дѣйствія европейскиихъ государствъ, всѣ значительныя случайности международной по-

(*) Руврь.

личии обратились въ пользу Пруссіи, и были эксплуатированы ею, если не всегда съ полной добросовѣстностью, то, конечно, съ чрезвычайнымъ искусствомъ. Мы напомнимъ фактъ довольно общезвѣстный, что Пруссія давно уже приготовлялась къ этой войнѣ, имѣвшей такой счастливый для нея исходъ, и никто не будетъ отрицать, что удивительная предусмотрительность и глубокое знаніе организаци, съ которыми Пруссія дѣлала свои приготовленія, заслуживаютъ серьезнаго изученія.

Въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ прусаки обнажали мечъ только для подавленія мятежей баденскаго и дрезденскаго; но этотъ долгій миръ, становившійся болѣе и болѣе тяжелымъ для прусской военной аристократіи, которая чувствовала себя униженною тѣмъ, что прусская армія одна изъ большихъ европейскихкихъ армій не участвовала въ военныхъ дѣйствіяхъ, былъ употребленъ съ пользою правительствомъ, старавшимся съ безмолвною настойчивостію быть готовымъ къ первой войнѣ, которая могла возгорѣться. Приготовленія производились съ особенною дѣятельностію съ 1850 года. Должно вспомнить, что въ эту эпоху Пруссія оказалась не въ силахъ отвѣчать на вызовъ Австріи и должна была сдѣлать уступки, отъ которыхъ потерпѣло національное самолюбіе. Дѣло шло о томъ, чтобы честь воинственнаго народа и правительства снова не пострадала въ подобномъ случаѣ; вслѣдствіе чего съ большей настойчивостію производился великій трудъ преобразования и усиленія арміи. Учрежденія, устроившія армію, дали превосходные результаты въ 1813 году, когда въ странѣ было много старыхъ солдатъ, горѣвшихъ желаніемъ вступить снова подъ знамена, чтобы отмстить за оскорбленія, имъ нанесенныя; но эти самыя учрежденія, послѣ тридцати слишкомъ лѣтъ мира, были не въ состояніи создать сильную армію съ быстротою необходимою въ наши дни, когда тотъ, кто первый готовъ къ военнымъ дѣйствіямъ, пріобрѣтаетъ перевѣсъ. Не увеличивая трехлѣтняго срока службы въ мирное время, увеличили срокъ, который молодые люди должны находиться въ резервѣ, и расширили кадры. На самомъ же дѣлѣ умажили числительную силу регулярной арміи на счетъ ландвера, который былъ обязанъ своей славой патриотическому порыву 1813 года, но о пользѣ котораго впоследствии возникли большія сомнѣнія, такъ какъ сила, происходящая отъ энтузіазма, недостаточно уравниваетъ невыгоды дурной дисциплины.

Преобразованія дали быстрые и успѣшныя результаты. Прусская армія получила возможность собираться съ большей скоростью и приобрѣла плотность, которой она не имѣла, когда передъ началомъ войны производилось слитіе ландвера и дѣйствующихъ войскъ. Всѣ солдаты стали одной категоріи. Кадры оставались постоянными; въ случаѣ войны они пополнялись; строжайшая дисциплина быстро возстановила неразрывную связь между офицерами и новобранцами. Это преобразованіе можно считать одною изъ многихъ причинъ успѣховъ Пруссіи.

Но общественное мнѣніе страны и палата депутатовъ, которая его представляетъ, противились преобразованіямъ, требовавшимъ значительныхъ издержекъ; избирательная палата упорно отказывалась дать свое согласіе на проекты короля Вильгельма. Король и его министры настаивали на своемъ; парламентское сопротивленіе усилилось; настала минута, когда это столкновеніе, ежедневно возрастающее, угрожало перейти въ революціонный кризисъ, если бы событія не дали блистательнаго доказательства, что умноженіе военныхъ издержекъ имѣло окончательнымъ результатомъ увеличеніе могущества и славы прусской націи и германскаго отечества. Вопросъ объ эльбскихъ княжествахъ подвернулся кстати, чтобы дать это доказательство. Трудно понять, какъ Австрія, еще обладающая большимъ значеніемъ въ германскомъ отечествѣ, не воспротивилась всѣми возможными средствами войнѣ съ Даніей; еще менѣе объяснить можно недостатокъ провицательности, которой она выказала, принявъ сама участіе въ этой войнѣ, какъ будто ея интересы были тождественны съ прусскими въ дѣлѣ расширенія на балтійскихъ берегахъ германскаго отечества, какъ будто именно ей слѣдовало сражаться за принципъ національностей, составляющій отрицаніе ея собственнаго существованія. Она была скоро за то наказана; противъ нее собиралась уже пятнадцать лѣтъ туча въ Берлинѣ.... Австрія сама была виною, что эта туча надъ нею разразилась. Датская война дала прусскому правительству возможность испытать свои средства, свои силы и своихъ людей. Игольчатое ружье и новая военная организація оказались послѣ опыта соотвѣтствующими ожиданіямъ. Принцъ Фридрихъ-Карлъ и многіе офицеры доказали на дѣлѣ истинныя военныя способности; на офицеровъ этихъ обращено вниманіе. Наконецъ, что также очень важно, сдѣланы наблюденія, при этомъ случаѣ, надъ расположеніемъ Европы, и, такъ

сказать, щупали пульсъ у европейской дипломатіи. Никто не тронулся, когда убивали и грабили Данію. Франція и Англія ограничились переговорами, высказавшими ихъ рыцарскія чувства относительно маленькаго государства, такъ достойнаго уваженія въ его слабости. ОнѢ даже показали нѣкоторое желаніе вмѣшаться, но когда нужно было приступить къ дѣйствіямъ, то каждая изъ этихъ державъ выжидала, когда другая начнетъ. Кончилось тѣмъ, что обѢ сложили руки. Несчастная Данія, старый и вѣрный союзникъ Франціи! Чтобы привлечь насъ на свою сторону, Данія не могла предложить намъ никакой непосредственной выгоды, и она не представляла ни одного изъ тѣхъ принциповъ, за которые принято у насъ теперь воевать. Такое равнодушіе Европы сильно поощрило г. Висмарка на предпріятіе гораздо болѣе серьезное чѣмъ завоеваніе кильскаго порта. Добыча, отнятая у Даніи, какъ и можно было ожидать, сдѣлалась предметомъ раздора между Пруссіей и Австріей. Первая хотѣла сохранить эту добычу, вторая охотно бы отъ нея отказалась, если бы черезъ то не потеряла своего значенія въ Германіи. Пруссаки не хотѣли ничего убавить изъ своихъ честолюбивыхъ требованій, а австрійцы считали долгомъ чести упорно противиться имъ. Война становилась неизбѣжною.

Разсмотримъ дипломатическое положеніе Пруссіи въ этотъ моментъ. Искусно скрывая свои завоевательные планы, она увѣряла, что заботится только объ интересахъ германскаго отечества. И Англія и Россія могли быть невраждебны идеѣ единой великой Германіи. Первая не находила въ такомъ проектѣ ничего опаснаго для своего преобладанія на моряхъ и охотно допустила бы образованіе въ Европѣ военной державы, соперницы Франціи. Тѣми же соображеніями могла руководствоваться и Россія, связанная съ Пруссіей старыми воспоминаніями, взаимными услугами и родствомъ между царствующими домами: Само собою разумѣется, что, вступая въ борьбу съ Австріей за принципъ національнаго единства, Пруссія была увѣрена, что Италія будетъ ея союзникомъ.

Оставалась Франція. Мы не имѣемъ притязанія проникнуть тайну того, что было говорено между императоромъ Наполеономъ и графомъ Висмаркомъ; но невозможно не замѣтить нѣкотораго сходства между свиданіями пломбьерскимъ и біарицскимъ. Всѣмъ извѣстны пломбьерскія соглашенія и ихъ результаты. Г. Висмаркъ

давалъ ли въ Біарицѣ такія же обѣщанія какъ г. Кавуръ? Были ли приняты обязательства французскимъ правительствомъ? Въ этомъ отношеніи, мы можемъ только ограничиться догадками. Полагали найти разгадку въ словахъ, сказанныхъ очень высокимъ лицомъ одному итальянскому дипломату, выражавшему безпокойство относительно слишкомъ долгаго молчанія, господствовавшаго тогда въ нашей официальной сферѣ, и желавшаго узнать: отъ союза съ Австріей или съ Пруссіей Италия будетъ имѣть болѣе шансовъ получить Венецію. „Если Франція—сказано ему было—пристанетъ къ той или другой сторонѣ, то войны вовсе не будетъ.“ Очевидно, г. Бисмаркъ требовалъ, чтобы Франція не высказывалась. Дано ли было ему въ томъ обѣщаніе? Никто этого не знаетъ. Но всѣмъ извѣстно, что однимъ изъ первыхъ распоряженій прусскаго правительства, когда война сдѣлалась неизбежной, было очищеніе рейнскихъ провинцій и отправленіе войскъ, которыя обыкновенно ихъ охраняютъ, въ дѣйствующія арміи. Берлинскій кабинетъ, стало быть, не имѣлъ опасеній со стороны Франціи; вскорѣ и флорентинскій кабинетъ получилъ такое же убѣжденіе.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что Пруссія и Италия готовились броситься на Австрію съ согласія всѣхъ европейскихъ правительствъ. Австрія имѣла, правда, на своей сторонѣ небольшія германскія государства, ясно видѣвшія намѣренія г. Бисмарка; но въ моментъ объявленія войны южная Германія была, по выраженію прусскаго главнаго штаба, *зарождающийся непріятель*. *Пруссаки знали, какъ съ этой стороны были мало готовы къ войнѣ.*

Событія вскорѣ показали, что прусское правительство имѣло вѣрныя свѣдѣнія. Несмотря на храбрость ганноверцевъ въ дѣлѣ при Лангензальцѣ и баварцевъ у Киссингена и въ другихъ дѣлахъ, оказалось достаточнымъ нѣсколькихъ отдѣльных отрядовъ при искусныхъ распоряженіяхъ генерала Фалькенштейна, чтобы разстроить съ этой стороны всякое сопротивленіе. Помощь Италиі хотя не имѣла большаго вѣса въ событіяхъ, чѣмъ войска конфедераціи мелкихъ германскихъ государствъ, удержала однако за Альпами 80,000 австрійцевъ, а это дало Пруссіи еще одну неоспоримую выгоду.

Наканунъ великой борьбы, для Австріи какъ будто недостаточно было имѣть противъ себя упомянутыя нами невыгоды: она сдѣлала еще промахъ, точно съ умысломъ, пре-

доставивъ пруссакамъ перевѣсъ, который нынѣ дается на войнѣ упрежденіемъ дѣйствій. Она допустила ихъ сдѣлать въ свои владѣнія вторженіе со всѣми бѣдствіями, его сопровождающими, въ такой моментъ, когда противники ея окончили свои приготовления. Она создала для своихъ генераловъ огромныя затрудненія, заставивъ ихъ угадывать намѣренія непріятеля и подчинять свои движенія соображеніямъ противника. Нельзя совершить разомъ сосредоточеніе армій въ 200,000 и 300,000 человекъ, съ которыми нынѣ даются генеральныя сраженія: отдача приказаній, заготовленіе продовольствія, столпленіе на различныхъ путяхъ сообщенія, не дозволяютъ ускорять движенія такихъ громадныхъ массъ по требованіямъ затруднительнаго положенія, или по волѣ нетерпѣливаго подководца. Надобно время, и время часто довольно продолжительное, для исполненія такихъ операцій: вотъ причина, почему тотъ, кто сѣумѣлъ взять инициативу въ дѣйствіяхъ, имѣетъ въ большей части случаевъ весьма значительныя выгоды. Эти выгоды, какъ мы сказали, Австрія предоставила Пруссіи, и все заставляетъ думать, что такой промахъ былъ ей врушенъ воспоминаніемъ о противоположной ошибкѣ, сдѣланной ею въ 1859 году.

Въ 1859 году императоръ Францъ-Іосифъ полагалъ, что ему угрожаетъ нападеніе противника, котораго побуждали къ тому обстоятельства. На приготовления, которыя дѣлались открыто протявъ его государства, онъ отвѣчалъ объявленіемъ войны, и армія его перешла Тичино; но это смѣлое рѣшеніе, которое могло имѣть великіе результаты, было исполнено вяло и нерѣшительно, и, не удавшись, сдѣлалось важною политическою ошибкой: со всѣхъ сторонъ стали считать Австрію виновницею войны, хотя нападеніе на нее было давно замышляемо. Въ 1866 году положеніе имѣло нѣкоторое сходство съ 1859 годомъ, но было далеко не то; правительство австрійское полагало благоразумнымъ не выказать себя зачинщикомъ передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, и льстилось надеждою, что, вынудивъ противника на первыя насильственныя дѣйствія, оно возбудитъ общее сочувствіе въ свою пользу. Большое заблужденіе. Въ положеніи, въ которомъ находились дѣла, только успѣхъ, пріобрѣтенный силою, могъ поставить на сторону Австріи и право. Къ своему несчастію, Австрія мало надѣялась на успѣхъ; ей не хотѣлось воевать,

такъ что до послѣдней минуты она не сдѣлала ничего, чтобы могло подать поводъ Пруссіи и ея кліентамъ сказать, что Австрія нанесла первые удары. Не только она не взяла инициативы дѣйствій, но въ продолженіе періода колебаній, предшествовавшихъ военнымъ дѣйствіямъ, не сдѣлала на своихъ границахъ никакого сбора войскъ, чтобы Пруссія не назвала это вызовомъ и угрозой. Вѣнскій кабинетъ, до перваго пушечнаго выстрѣла, болѣе заботился о томъ, чтобы его дѣйствія были одобрены иноземной дипломатіей, старавшейся болѣе или менѣе искренно предупредить войну, чѣмъ о приготовленіяхъ къ борьбѣ съ Пруссіей, и не распорядился ускорить сосредоточеніе войскъ.

Пруссія въ это время имѣла право сказать, что и она держала свои войска вдали отъ границъ; но какая разница въ положеніи обоихъ государствъ, и какъ хорошо понималъ берлинскій кабинетъ свои выгоды въ этой неподвижности обѣихъ армій! Съ его стороны были приняты всѣ мѣры для быстраго сосредоточенія разбросанной массы силъ, съ австрійской же стороны это было упущено. Можно полагать, что попытки примиренія, сдѣланныя въ послѣднюю минуту дипломатіей, имѣли неволью единственнымъ результатомъ возможность прусской арміи значительно предупредить непріятеля.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія была предметомъ удивленія та быстрота, съ которою Наполеонъ отправилъ на подводахъ войска булонскаго лагеря, рѣшилъ судьбу непріятеля подъ Ульмомъ и Аустерлицемъ. Колосальныя размѣры вооруженій въ наше время, при неизбѣжной нескромности телеграфовъ, требуютъ гораздо болѣе средствъ и скорости въ перевозкѣ, и притомъ соблюденія тайны. Когда нельзя перевозить моремъ на паровыхъ судахъ, то пользуются желѣзными дорогами для большихъ сосредоточеній войскъ, для подвоза имъ продовольствія и прочихъ военныхъ запасовъ, и для движенія впередъ на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Тогда какъ Пруссія имѣла четыре отдѣльные желѣзные пути, сходящіеся изъ различныхъ частей ея территоріи къ непріятельской границѣ, Австрія располагала только линіей изъ Вѣны въ Лунденбургъ, и оттуда, двойной вѣтвью въ одну пару рельсовъ, въ Прагу и Ольмюцъ. Когда наступилъ моментъ дѣйствій, эта желѣзная дорога оказалась недостаточной и не могла соперничать съ четырьмя прусскими линіями. Это

обстоятельство доставило Пруссіи еще одну огромную выгоду, и надо сказать въ похвалу прусскому главному штабу, что онъ, воспользовавшись опытомъ недавней войны въ Соединенныхъ штатахъ Америки, гдѣ желѣзныя дороги играли такую значительную роль, счумѣлъ увеличить это средство успѣха тщательной и искусной организаціей, достойной внимательнаго изученія. Вся сѣть желѣзныхъ дорогъ была раздѣлена на зоны или отдѣлы, каждый подъ управленіемъ комитета, состоявшаго изъ офицера генеральнаго штаба, одного изъ гражданскихъ администраторовъ линіи и инженера. Способъ сосредоточенія подвижнаго состава на различныхъ пунктахъ нагрузки, и время, необходимое для этой операціи, были опредѣлены по основательномъ изученіи. Въ каждомъ отдѣлѣ было обозначено участіе его въ общемъ движеніи и поименованы войска, которыя должно было перевозить. Наконецъ, число поѣздовъ и разстояніе, которое имъ слѣдовало проходить, были вычислены заранѣе, такъ что въ Берлинѣ знали съ точностію, во сколько дней и часовъ, по отправленіи приказаній о сосредоточеніи войскъ, армія будетъ собрана на границѣ. Мы обращаемъ особенное вниманіе на роль желѣзныхъ дорогъ въ этой кампаніи, на перевѣсъ, который онѣ дали Пруссіи, и вообще на выгоды, которыя приобрѣтетъ каждая военная держава, которая счумѣетъ, подобно Пруссіи, извлечь изъ нихъ пользу. Пруссія не только первая приготовилась къ войнѣ и не была осуждена видѣть свои города, селенія и поля опустошаемыми войною, но еще поставила непріятеля въ оборонительное положеніе всегда полное неизвѣстности; кромѣ того желѣзныя дороги продовольствовали ея армію, служили для перевозки раненыхъ и больныхъ и дозволили производить военныя дѣйствія съ безпримѣрной быстротой и точностію.

Мы уже сказали, почему все это было невозможно для австрійцевъ; но трудно понять, почему они, видя выгоды, извлекаемыя непріятелемъ изъ желѣзныхъ дорогъ, не подумали отнять у него возможность воспользоваться австрійскими желѣзными путями, когда прусаки заняли ихъ владѣнія, почему не испортили ихъ при отступленіи и не употребляли своей многочисленной кавалеріи для разрушенія ихъ, посылая ее въ тылъ прусскихъ колоннъ.

Мы могли бы и не упоминать, что значеніе желѣзныхъ дорогъ, столь важное въ богемской кампаніи, было не менѣе

важно и въ походѣ генерала Фалькенштейна противъ ганноверцевъ и коэтингентовъ южной Германіи. Исходъ этого похода зависѣлъ почти единственно отъ захватовъ и пресѣченій сообщенія на желѣзныхъ дорогахъ, отъ поѣздовъ, которыми завладѣли и которые послужили вмѣсто кавалеріи для скорого занятія какаго-нибудь важнаго пункта. Это стратегическое употребленіе желѣзныхъ дорогъ заключаетъ въ себѣ важный урокъ для всѣхъ военныхъ державъ: всѣ онѣ должны будутъ изучать, какъ то сдѣлалъ прусскій главный штабъ, многочисленныя выгоды, истекающія изъ этого новаго вспомогательнаго средства. Опытность прусскаго главнаго штаба, разумнаго и дѣятельнаго, дозволила уже формулировать законъ, открывающій обширное поле для размышленій и соображеній военныхъ людей. Дѣло въ томъ, что разстояніе имѣетъ очень мало вліянія на время, необходимое для перевозки значительныхъ массъ войскъ, такъ какъ сосредоточеніе и организація подвижнаго состава играютъ главную роль въ этой операціи. До послѣдняго момента передъ войной, войска, назначенныя для дѣйствій, могутъ оставаться на пунктахъ очень отдаленныхъ отъ театра войны, чтобы явиться вдругъ тамъ, гдѣ ихъ сосредоточенное наступленіе будетъ наименѣе ожидаемо. Прусскіе офицеры такъ глубоко изучили свои желѣзныя дороги, сѣть этихъ дорогъ была такъ хорошо проведена, что черезъ 21 день послѣ отданія приказаній 197,000 человекъ, 55,000 лошадей и 5,200 повозокъ были привезены по рельсамъ со всѣхъ пунктовъ государства на австро-саксонскую границу. На двадцать второй день прусская армія была въ совершенной готовности начать военныя дѣйствія, и если она должна была, къ большому неудовольствію ея начальниковъ, ожидать еще десять дней, то это зависѣло единственно отъ политическихъ соображеній.

Перенесемъ въ другую армію. Мы увидимъ, что австрійцы, несмотря на замедленіе прусаковъ, для нихъ благоприятное, не могли сдѣлать ничего другаго съ своей единственной желѣзной дорогой, какъ сосредоточиться въ окрестностяхъ Пардубица. Захваченные врасплохъ быстротою движеній непріятеля, они не могли ни занять Саксоніи, ни вторгнуться въ Силезію, ни оборонять богемскія дефиле. Мы рассказали уже, какимъ образомъ австрійцы, въ колебаніяхъ между обѣими прусскими ар-

міями, упустили подъ Скалицемъ случай одержать побѣду, а потомъ приняли подъ Садовой сраженіе, заранѣе потерянное.

Оканчивая разборъ кампаніи, одного изъ самыхъ великихъ событій нынѣшняго столѣтія, мы не считаемъ нужнымъ доказывать, что отъ насъ была далека мысль уменьшать заслуги храброй австрійской арміи, явившей столько геройства въ бѣдствіяхъ. Все, нами изложенное, подтверждаетъ, что въ этой войнѣ, такъ для нея несчастной, она потерпѣла столько же отъ недостатковъ своей организаціи и ошибокъ своихъ начальниковъ, сколько отъ ударовъ непріятеля. Еще менѣе желали мы уменьшать славу, законно пріобрѣтенную прусскою арміей, излагая причины ея успѣха, который представляется еще рельефнѣе отъ контраста неудачъ ея союзниковъ. Планъ вторженія въ Богемію двумя арміями, раздѣленными сначала большими разстояніями, конечно подлежитъ критикѣ, и не былъ бы безнаказанно исполненъ передъ такими полководцами какъ Наполеонъ или даже эрцгерцогъ Карлъ; но тѣмъ не менѣе онъ оправдался блистательнымъ успѣхомъ. И притомъ развѣ одно изъ величайшихъ достоинствъ военнаго вождя не состоитъ въ умѣнн разсчитать, что противникъ позволитъ ему сдѣлать? А что касается до храбрыхъ войскъ, сражавшихся подъ Сооромъ, Скалицомъ, Гичиномъ, участвовавшихъ въ страшныхъ бояхъ въ Садовой и Бенатекской рощахъ, взявшихъ и потомъ оборонявшихъ Хлумъ, то для нихъ было бы оскорбленіемъ малѣйшее сомнѣніе въ ихъ мужествѣ. Планъ кампаніи хотя и былъ рискованнымъ, однако исполненъ способными и энергическими людьми. Мы спросили одного прусскаго офицера, кому изъ генераловъ должно приписать главную заслугу исполненія плана. „Никому въ особенности“, отвѣчалъ онъ: „военная машина наша, хорошо устроенная, сама собой дѣйствовала, и если кому нужно особенно отвести заслугу, то конечно субалтернъ-офицерамъ, капитанамъ и поручикамъ“.

И мой собесѣдникъ былъ правъ. Главная, великая сила прусской арміи заключалась въ ея корпусѣ офицеровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что правительству принадлежитъ честь устройства военной организаціи, надъ которою трудились долгіе годы терпѣливаго изученія всѣхъ усовершенствованій военнаго дѣла, духа прогресса, свободнаго отъ предрасудковъ и рутинны, руководясь которымъ было принято игольчатое ружье, заимствовано у

американцевъ примѣненіе желѣзныхъ дорогъ и электрическихъ телеграфовъ къ военнымъ дѣйствіямъ, и наконецъ взято вездѣ что найдено полезнымъ и хорошимъ, по примѣру древнихъ римлянъ; но все это было сдѣлано правительствомъ при помощи корпуса офицеровъ образованныхъ, трудолюбивыхъ, которые занимались безъ усталы работами иногда чрезвычайными, въ убѣжденіи, что превосходство ихъ образованія не дозволяетъ имъ посредственности. Офицерамъ, какъ свидѣтельствуя факты, отлично содѣйствовали солдаты. И дѣйствительно, подъ прусскими знаменами всѣ классы общества имѣли своихъ представителей и здравый смыслъ помогалъ дисциплинѣ. Качество было залогомъ успѣха болѣе надежнымъ чѣмъ количество. Замѣчательно, что эта превосходная армія, оказавшаяся столь могущественной на полѣ сраженія черезъ сорокъ дней послѣ поставленія ея на военную ногу, имѣла въ своихъ рядахъ только трехлѣтнихъ и еще меньшихъ сроковъ солдатъ. Въ одномъ только отношеніи она оказалась положительно на низшей степени. Артилерія ея не оправдала ожиданій. Прусскія стальные орудія, заряжающіяся съ казенной части, не могли выдержать сравненія съ австрійской артилеріей, у которой орудія и снаряды тѣ же что у насъ; но эта отдѣльная невыгода, какъ бы она важна ни была, не могла отнять у пруссаковъ общаго превосходства, обеспеченнаго ихъ сильной организаціей и благопріятными обстоятельствами. Что касается до австрійцевъ, то отличная ихъ артилерія была не въ состояніи замѣнить все, чего имъ недоставало: плохо вооруженные, опоздавшіе приготовленіями къ войнѣ, со всѣми неудобствами дурной организаціи, они были принуждены выдержать кампанію, начавшуюся въ неблагопріятныхъ для нихъ условіяхъ, при которыхъ самыя геройскія усилія не могли привлечь на ихъ сторону успѣхъ.

Разсмотримъ теперь событія съ французской точки зрѣнія; забудемъ навремя чрезвычайное значеніе этой войны и огромность успѣха, насъ ослѣпившаго; мы были приучены видѣть болѣе скромные результаты, даже въ самыхъ счастливыхъ войнахъ. Намъ представляется слѣдующій вопросъ: изъ того, что пруссаки, въ садовскую кампанію, такъ скоро и легко побѣдили Австрію, слѣдуетъ ли заключить, что всегда и вездѣ они найдутъ такія счастливыя для нихъ условія? Или мы ошибаемся, или доказали, что чудесный успѣхъ пруссаковъ былъ соз-

данъ совокупностью обстоятельствъ исключительныхъ, большая часть которыхъ не возобновится. Если мы теперь взвѣсимъ приращеніе Пруссіи и исчислимъ съ точностью увеличеніе ея военныхъ силъ, то найдемъ, какъ мы уже упоминали, что она не можетъ равняться съ Франціей ни народонаселеніемъ, ни разнаго рода способами и средствами. Еще не наступило время употребить всѣ громадныя средства дѣйствія нашего флота, и относительно Пруссіи оно, можетъ быть, никогда и не наступитъ; да и на сухомъ пути, намъ кажется, французскій солдатъ еще не выродился и не хуже прежнихъ солдатъ.

Притомъ объединенная Германія составляетъ для насъ предметъ заботъ только тогда, когда всѣ военныя силы въ рукахъ людей предприимчивыхъ и отважныхъ. Но кто ее побудилъ къ такой агломерациі? Кто возродилъ по ту сторону Рейна мысль объ единствѣ? Полагаютъ ли, что жителей небольшихъ германскихъ государствъ было бы легко присоединить, что они охотно промѣняли бы свое скромное, но очень счастливое существованіе на тяжелое бремя прусской гегемоніи, если бы ими не овладѣло глубокое чувство опасности, непреодолимая потребность въ покровительствѣ? Со времени вѣнскаго трактата эти спокойныя народы приняли миролюбивыя правила короля Иветоскаго и жили очень хорошо, не нуждаясь въ славѣ. Оттуда у нихъ явилось стремленіе надѣть прусскій мундиръ и подчиниться всѣмъ требованіямъ берлинской бюрократіи? Неужели единственное средство утишить безпокойство внушенное нами нѣмцамъ и которое они, въ свою очередь, въ насъ производятъ, состоитъ только въ новыхъ и еще болѣе грозныхъ вооруженіяхъ? Гдѣ предѣлъ этому фальшивому положенію? Если для того, чтобы повиноваться требованіямъ настоящаго положенія мы предпринимаемъ приготовленія болѣе наружныя, чѣмъ существенныя, болѣе угрожающія, чѣмъ дѣйствительно грозныя, то не дѣлаемъ ли мы двойной ошибки?

Мы не хотимъ этимъ сказать, что современныя обстоятельства не требуютъ ничего новаго отъ Франціи. Если, къ несчастію, послѣ 40 лѣтъ мира, война сдѣлалась снова одною изъ печальныхъ необходимостей настоящей эпохи, то наша нація не можетъ готовиться, послѣ всѣхъ, и усилія ея должны стремиться къ тому, чтобы продолжительность этого бѣдствія, когда оно настанетъ, было сокращаемо всѣми способами быстро и рѣшительнаго дѣйствія. Будемъ имѣть

для того армію наилучшимъ образомъ организованную, отлично вооруженную, способную быстро и легко маневрировать. Какъ бы хороша бы была наша военная организація, она должна усовершенствоваться. Время идетъ теперь такъ быстро, что не позволить ни одному дѣлу оставаться неподвижнымъ. Передѣлать наши ружья, обезпечить наши крѣпости отъ дѣйствія новой артилеріи, усилить нашу рѣчную флотилію, чтобы присоединить командованіе рѣками къ тому перевѣсу, который могутъ намъ дать въ континентальной войнѣ наши морскія силы, все это необходимо сдѣлать безъ отлагательства. Мы не упустимъ присоединить и организацію движенія, въ случаѣ войны, на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, которыхъ превосходная сѣть, перпендикулярная и въ то же время параллельная нашимъ границамъ, такъ хорошо соображена для военныхъ дѣйствій. Конечно, надо также обратить вниманіе на улучшеніе нашей кавалеріи, и доказать, въ опроверженіе мнѣнія, не ксати распространеннаго, будто оружіе это не можетъ имѣть значенія въ большихъ войнахъ. Независимо отъ пользы, которую кавалерія приносила и будетъ приносить, новое поле дѣйствій открывается для нея въ экспедиціяхъ имѣющихъ цѣлю разрушать желѣзныя дороги и производить рѣшительное разстройство въ непріятельскихъ сообщеніяхъ; необходимо изучить новое употребленіе конницы, которое, какъ то нерѣдко случалось въ послѣдней американской войнѣ, дѣлало изъ всадника пѣхотинца, сапера, инженеря. Мы желаемъ отъ всей души видѣть эти улучшенія и другія, которыхъ не можемъ здѣсь исчислить; мы надѣемся на нихъ какъ на новый залогъ превосходства французскаго оружія.

Но не таково, по нашему мнѣнію, свойство новаго военнаго закона, котораго двойную невыгоду мы уже выставили: онъ слишкомъ походить на сигналъ тревоги и представляетъ, съ своими двумя категоріями солдатъ, характеръ скорѣе угрозы, чѣмъ дѣйствительной силы; кромѣ того онъ переходитъ достигнутую уже закономъ 1832 г. мѣру жертвъ, которыя государство можетъ требовать въ мирное время у народонаселенія. Требовать болѣе, истощать чрезъ мѣру нашу расу, въ которой уже замѣтны увѣ! симптомы изнеможенія, было бы (да извинять намъ фамильярность выраженія) зарѣзать курицу, несшую золотыя яйца; этимъ оправдалась бы печальная теорія, по которой народы, вмѣсто того чтобы извле-

каты изъ своихъ вѣдръ арміи для своей обороны, образуютъ только машины, назначенныя производить тысячи солдатъ, которыми играютъ какъ пѣшками на обширной шахматной доскѣ человѣческаго безумія.

По нашему убѣжденію, система чрезмѣрныхъ рекрутскихъ наборовъ не можетъ долго существовать; въ скоромъ времени она будетъ оставлена; ни народонаселеніе, ни финансы государства ея не выдержатъ. Чтобы быть справедливыми, мы не станемъ порицать двѣ мѣры, заключающіяся въ новомъ законѣ. Имъ отмѣненъ законъ 1855 г. и уничтожено право откупаться—роковая причина истощенія. Кромѣ того онъ возстановилъ подвижную національную гвардію, хотя и въ искаженномъ видѣ. Намъ нравится это названіе, хорошо выражающее національный перывъ, который загорится во всякомъ въ тотъ день, когда дѣйствительная опасность будетъ угрожать отечеству. Намъ нравится въ особенности статья закона, недопускающая наемниковъ въ ряды этого ополченія. Когда всѣ классы общества поймутъ, что въ случаѣ войны ихъ дѣти подвергнутся опасности остаться на полѣ сраженія или попасть въ госпитали, то, можетъ быть, они постараются, чтобы въ рѣшеніи великихъ вопросовъ войны и мира мнѣніе ихъ было принято въ уваженіе. Въ этотъ день свобода возвратится во Францію, и станутъ вѣрить искренности словъ: имперія есть миръ.

Перев. съ французскаго А. Циммерманъ.